

ПРЕДИСЛОВИЕ

Милетянин Фалес стал первым, кто открыл эру подлинной философии на Земле. Его мысль о воде как первооснове вещества явилась скачком в научную абстракцию. Убеждение в том, что «боги находятся всюду», привело к замене сказочных персонажей философским идеализмом.

В древности Фалес почитался как выдающийся математик. Теперь невозможно сказать, внёс ли он что-либо своё в конкретную математику или был лишь передаточным звеном от учёных халдеев. Однако его признанной великой заслугой явилось понятие «доказательство».

Идея доказательства фундаментальна. Она касается не только философии, науки и техники, но и логического принципа бытия нашей цивилизации, иудео-христианской по общности исторического развития.

Ввиду безусловного теоретического противоречия между иудейством и христианством союз Ветхого и Нового Заветов, возникший по неведомой нам исторической воле, представляется парадоксом хотя бы потому, что жестокий бог Саваоф стал вдруг отцом так непохожего на него Иисуса. И удивительно то (говоря нам об этой воле истории), что ещё за пять столетий до пришествия Христа два пути, иудейский и греческий, шли параллельно друг другу и физически близко, чтобы неожиданно пересечься в первые века новой эры.

Пророк Иезекииль, один из создателей Торы (Ветхого Завета), и рациональный философ Фалес жили в одно время. Фалес был лишь на несколько лет старше Иезекииля. Оба они, не подзревая о себе в качестве деятелей, взаимно определявших будущее человечества, примерно в одни и те же годы были жителями Вавилона.

В широком смысле сценой их жизни стала Малая Азия, в то время (да и до сих пор) котёл с кровавым варевом мировых событий. В битвах царей и народов, жестокостях и зверствах, разгроме и уничтожении целых городов и государств, отчаянии и скорби живущих с неизбежностью рождались идеи конца времён и бессмертия души, греха, вины и небесного возмездия за зло.

В VII–VI веках до нашей эры в борьбу за господство (или выживание) было втянуто много стран: Ассирия, Египет, Вавилон, Мидия, Лидия, Греция, Иудея, Финикия. И только греки дали миру философию и науку, за две с половиной тысячи лет развившуюся до разгадок строения атомного ядра, чёрных дыр в космосе, ДНК и микроорганизмов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ГИБЕЛЬ НИНЕВИИ

1

Несметно богатая Ниневия, столица Ассирии, раскинулась под солнцем дворцами, сада-

ми, храмами в окружении неприступных стен. Город пронизывали хрустально чистые воды реки, проходя сквозь стены через речные ворота.

Сорок один год царствовал в Ассирии Ашшурбанапал. Долго не знал он покоя. С разных сторон вскипала опасность, колебля империю. Безжалостной силой крушил царь врагов, добром и милостью упреждал набеги.

На границе с пустыней тучами нависали разбойничьи племена арабов, которые примыкали помыслами к мятежному Вавилону. Брат Ашшурбанапала Шамаш-шумукин, сидевший на вавилонском троне, копил войска для удара в спину. Волновался Египет, не забывающий о своей былой мощи. С севера несметной ордой наступали киммерийцы, грозя затопить собой всю вселенную. И неукротимо восставал не раз разорённый и повергнутый в прах Элам, друживший с Мидией.

Когда Элам поразила засуха, Ашшурбанапал спас жителей его зерном из собственных закромов. Они всё равно восстали. Воины Ассирии уничтожили их главные города. Прах царей выкопали из могил и увезли в Ассирию. Но прошло немного лет – и снова пошёл против Ассирии Элам.

К тому времени, однако, Ашшурбанапал усмирил всех прочих, дерзнувших подняться против него. Помог союз со скифским царём Мадием, за которого Ашшурбанапал выдал свою дочь. Скифские воины-волки отогнали прочь киммерийцев, захватили Мидию.

И благодарный богам Ашшурбанапал со всей страстью обрушился на непокорных. Власть Ассирии признал Египет. Шамаш-шумукин, брат, сам бросился в жар пылающего дворца в Вавилоне. Его приближённых ассирийцы казнили.

Элам был залит кровью. Его столица Сузы пала. Ашшурбанапал отпраздновал триумф. Четыре пленных царя, взнузданных через носы, влекли его триумфальную колесницу. Вся вселенная простёрлась под властью царя царей – Ашшурбанапала.

Он любил вкушать пищу в саду вместе с царицей. Евнухи оведали их взмахами опahal. Голова последнего эламского царя висела на дереве. Даже сладостные образы красавиц гарема не могли сравниться для повелителя с видом бородатой головы, навеки умолкшей.

Военные походы обходились без участия Ашшурбанапала. Лишь однажды он отправился на войну, когда усмиряли Элам. Тогда ему пока-

зали камень с выбитой надписью. Царь знал три языка, владел клинописью. Но не мог перевести надпись, сделанную до Потопа. В глубоком благоговении молчал Ашшурбанапал возле камня. И все наибольшие люди, сопровождавшие его в походе, стояли в отдалении от царя и тоже смотрели на камень. Священная надпись, не давшаяся переводу, волновала их.

Потоп разделил вселенную надвое. Мир до извержения вод был и прост, и величав, и праведен, как племя почтенных отцов и сыновей, их достойных. Каждый, кто ходил по земле, носил в себе печать благородной мудрости. Теперь же земля не та, народ стал низок. Бесславием дышало время, упала власть богов бессмертных. И тучи демонов спешили делать зло.

Ашшурбанапал знал многое, больше других царей Ассирии, потому что с детства его готовили к посвящению в жречество. Боги решили по-другому. Это мать его, ведомая богами, добилась того, что он стал царём, а не брат от другой матери – Шамаш-шумукин.

Ашшурбанапал собрал в Ниневии огромную библиотеку из глиняных табличек. К исходу жизни он в стихах жаловался богам на судьбу и телесные недомогания:

72

*Богу и людям, живым и мёртвым, я делал добро.
Почему же болезнь, и сердечная скорбь,
И погибель, и бедствие
Привязались ко мне?
В государстве война без конца, а в доме раздор.
На меня ополчается смута
И зловердные сплетни.
Тела болезнь и настроенье дурное
Гнут к земле фигуру мою.
Среди вздохов и стонов
Провожу дни свои...*

Пятнадцать лет минуло с тех пор, как Ашшурбанапал удалился в мир духов. Всё с большим трудом отбивалась Ассирия от восстающих против неё.

Решающие дни настали, когда к Ниневии подступили царь Вавилона Набопаласар и царь Мидии Киаксар в союзе со скифами. Халдей Набопаласар служил ранее военачальником у ассирийцев, а вавилонская знать выдвинула его главой сопротивления ассирийскому владычеству. С Киаксаром он породнился, женив царевича Навуходоносора на мидийской царевне. Дан-

ник скифов Киаксар уговорил царя Мадия помочь в их с Набопаласаром походе, соблазнив небывалой добычей. И сейчас эти дикие воины с пучками скальпов на боку посылали свистящие стрелы в защитников крепости.

Осаждённые не проявляли боязни, веря в мощь укреплений. Но случилось не так, как они думали. Их враги ворвались в город по сухому дну реки, отведя её в выкопанный ров.

Небо затмилось дымом пожаров. Женщины павшей столицы огласили воздух визгами ужаса. Людей простых и людей знатных обращали в рабов и делили между собой. Награбленное имущество не поддавалось исчислению. Стервятники заполнили высь и натужно хлопали крыльями, сыто поднимаясь с земли. Вскоре над бывшим средоточием жизни застыла тишина песков. Весь освобождённый мир радовался.

2

Фараон Нехо Второй, могучий телом, с тёмным отливом кожи, не чувствовал радости. Он погрузился в тревожные думы. Ранее Ассирия смотрела на Египет как на желанную добычу. Но ничего хорошего и от победившей её Вавилонии ждать тоже не приходилось. Её могущество грозило опасностью для Египта, от древнего процветания которого осталось не так уж много.

Сирия и Палестина платили дань земле фараонов. Египет наращивал достояние торговлей, используя корабли Финикии и её мореходов. Фараон не жалел жизней рабочих, копавших канал для перехода судов из Нила в Красное море. Люди умирали тысячами и десятками тысяч. Но канал обогатил бы страну. А если Вавилон захватит Азию... Нет! Ассирия зашаталась, однако ещё не пала. Надо выйти ей на помощь...

Нехо знал, что войны с Вавилоном не избежать. Его армия, набранная из египетских воинов, ливийцев, нубийцев, лидийских лучников и греческих наёмников, двинулась к городу Харрану, где ассирийцы осаждали вавилонский гарнизон.

Углубившись в бывшие ассирийские владения, армия дошла до города Мегиддо. Здесь фараон пришёл в изумление, когда ему сообщили, что далее путь перекрыло иудейское войско во главе с царём Иосией, которого, видно, Набопаласар заставил сделать то, чего он не посмел бы сделать сам. Египтяне попросили уйти неожиданно возникшего противника. Иосия не дрогнул и отказался открыть путь через узкую долину, стис-

нутую грядями гор (где, кстати, будущий Иоанн Богослов предрёк Армагеддон).

Тогда фараон приказал смести иудейское войско. Сражение продлилось недолго. Иосия упал с пронзившей шею стрелой. Иудеи побежали. Тело раненого царя тряслось на колеснице. И вскоре дух его предстал перед богом Яхве.

Подойдя к Харрану, Нехо увидел грозные рати вавилонян и мидян, поспешивших на выручку своему гарнизону, и повернул назад, не приняв боя. С этого момента Ассирия окончательно перестала существовать (609 год до н. э.).

Фараон укрепился в Сирии. Он вызвал к себе Иохазу, сына Иосии, и отправил в Египет, не увидев в нём достойного царя Иудеи. Иоакама, другого сына Иосии, он назначил царствовать. Дань положили на Иудею в сто талантов серебра (три тонны) и один талант золота (тридцать килограммов).

Тем временем Набопаласар передал командование воинскими силами сыну и отбыл в Вавилон. Два года царевич Навуходоносор рассеивал по пустыне арабов и ещё два года боролся с Нехо за переправы через Евфрат.

В конце мая 605 года до нашей эры близ древнего торгового города Каркемиш прогремела историческая битва. Египтяне расположились под городскими стенами. Вавилоняне преодолели ширь Евфрата и бросились на них в атаку. Ища спасения, войско Нехо лавиной покатило в город. Но преследователи вбежали в ворота вместе с ними. Город окутался дымом пожаров. Дома на улицах рушились в ожесточении схваток. Вновь египтяне ударились в паническое бегство, отступая в чистое поле. Вавилоняне настигали их и убивали толпами.

До конца лета длилось преследование. От полного истребления армию Нехо спасла смерть Набопаласара, о которой царевич узнал по зажимаемым друг за другом огням, в течение часа сообщившим о новости через расстояние двухнедельного караванного перехода.

Навуходоносору следовало спешить в Вавилон, где, как он понял, против него сплёлся заговор знати, не желавшей поклоняться наследнику трона. Взяв с собой заложников от покорённых земель и приняв дары с изъявлениями покорности (в том числе и от Иудеи), царевич с отрядом воинов поскакал туда, где решалась судьба мира.

Через четыре года новый вавилонский царь вторгся в египетские пределы, пытаясь железной

рукой сдвигать горло единственного сильного врага. Нехо встретил его с мужеством отчаяния. Сравнимое с россыпью звёзд на небе полегло число воинов с обеих сторон. Царь халдейский отступил. Он задумался о причине своей неудачи и решил многократно умножить число колесниц.

Нехо теперь не спешил обращаться мыслями к утерянной Сирии и терзаемой отрядами Вавилона Финикии. Сил на борьбу с могучим царством Навуходоносора не хватало. Мысли фараона занимал канал из Нила в Красное море. Его вообще интересовало, где находится конец земли, если плыть вдоль неё на юг. С именем Нехо Второго связано в истории плавание финикийских моряков вокруг Африки, свершённое по его повелению.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ХИТРОУМНЫЕ ГРЕКИ

1

До того как Гомер описал осаду Трои, а Гесиод — труды земледельцев, лет четыреста ойкумена пребывала в тяжёлом помрачении, сравнимом с медленным угасанием жизни. Многие цветущие некогда города лежали в руинах, заброшенные людьми. Запустевали торговые пути. На морских побережьях хозяйничали пираты. Из-за горизонта моря приплывали воины неведомых народов, их набег разоряли земли. Рушились державы, такие как египетская и хеттская. И никто не знает истинных причин всеобщего бедствия. Время от времени с титаническим рёвом и грохотом пробуждались вулканы, отправляя в пучины вод целые куски суши, застилая дымом и пеплом свет солнца. Может, они и стали причиной тяжёлых испытаний человечества?

С упадком хеттов и египтян вперёд выдвинулась жестокая, вооружённая железными мечами Ассирия, родилась маленькая, зато полная воинственности Иудея. Но в VII веке до нашей эры обе эти страны были пограны Вавилоном.

Греция в это время, как и остальной мир, выходила из оцепенения тёмных веков. И то, чего эллины добились далее, позднейшие учёные называли «греческим чудом», которое, как теперь кажется, не могло не произойти, чтобы привести человечество к нынешней цивилизации. Следует признать, что демократизм греков, так же как их Логос, их познавательная гениальность, державшая бросить вызов богам, присутствовали прямо в их крови. Никаких других возможных объяснений того и другого не обнаруживается.

В полисах Греции бурлила общественная жизнь. И если в поэмах Гомера особая роль отводилась хитроумному Одиссею, то реальная жизнь Афин выдвинула не менее хитроумного Солона. Этот муж царского рода многое сделал для демоса, отменив старые долги и долговое рабство.

Известно, как благодаря ему решилась борьба за остров Саламин. Чтобы обладать им, афиняне безуспешно воевали с Мегарами и настолько устали от войны, что издали закон, запрещающий звать сограждан к продолжению борьбы. И с удивлением наблюдали они за сошедшим с ума Солоном, бегавшим на городской площади. Но, когда он прочитал пламенную элегию «Саламин», все поняли, что сумасшедшим поэт притворялся. Солон возглавил победную военную экспедицию на остров, без владения которым Афины не стали бы теми Афинами, какие мы знаем.

Десять лет Солон путешествовал, бывал в Лидии, встречался с египетскими жрецами. Один из них поведал ему об Атлантиде.

По возвращении из странствий Солону пришлось вступить в политическое противоборство с Писистратом, который рвался к тиранической власти (да и преуспел в этом). Солону, жившему идеей благозакония, тирания претила. Он верил в благое водительство богов и их власть над человеческими судьбами. Боги накажут человека или его потомков, если он наживёт богатство неправедным путём.

2

Фалес ещё не вышел из возраста, когда учатся читать и писать. Однажды среди ночи его разбудили и привели на страшное действо. В зале горели домашние светильники, а также факелы в руках людей, защищённых доспехами. От них на стенах двигались великаны тени. Главный из этих людей говорил очень сурово.

— Поклянись, что ты не прячешь в своём доме... — Он назвал имя.

В глубине зала стоял бледный, но спокойный отец Фалеса.

— Клянись, — отвечал он.

— Поклянись жизнью сына.

Воин, стоявший рядом с мальчиком, занёс меч над его головой. Отец вскинул на сына глаза. Фалес обезумел от испуга. Он сделал скачок к двери, которую загораживал воин, и проскользнул под его рукой, схватившей пустоту.

Фалес слышал гогот за спиной и не слышал, как тихий голос произнёс:

– Клянусь.

Никто не гнался за юным отпрыском семьи эвпатридов. Но всю жизнь он помнил о перенесённом страхе. Этот случай остался в его памяти как позорная душевная вспышка.

Отец не укорял его, скорее шутил:

– Ты бежал как Полиместор!

Улыбка пряталась в иссиня-чёрной бороде.

– Полиместор?

– Да. Это наш олимпиец, победивший в беге на один стадий лет двадцать назад. Раньше он был пастушком и бегал наперегонки с зайцами. Я знаком с ним, познакомлю как-нибудь и тебя.

В тот день они узнали, что произошло по воле Фрасибула после его ночного прихода в их дом. Воины нашли того, кого искали. Нашли и ослепили. И всю семью, кто его скрывал, тоже ослепили.

Одно время над Милетом властвовали базилевсы из рода Нелеидов. С последним из них соперничал Фрасибул, которого поддерживал демон и охлос. Под любым измышлённым предлогом головорезы Фрасибула могли ворваться в дома милетян и учинить расправу.

Но кроме смутных бывают и более спокойные времена. Город Милет жил цветущей мирной жизнью, славясь пшеницей, шерстью, вином, тканями, изящной мебелью. Поля тянулись за стенами, за ними зеленели сочные пастбища, фруктовые рощи и виноградники. Там находились и земельные владения отца Фалеса, эвпатрида Эксамия из рода Фелидов, ведущего своё происхождение, как считалось, от финикийского царя Кадма.

Милет раскинулся под лазурным небом, господствуя над морским заливом. Единственный из древних городов, он строился по строгому плану. Прямоугольные дома из маленьких квадратов гнейса, мрамора или известняка смотрелись друг в друга через проезды шириной в пять-шесть шагов, замощённые камнем и битой черепицей, с пешеходными дорожками по бокам. Жилые кварталы стояли отдельно от общественных мест с храмами, гимназиями, театрами, булевтерием, торговыми складами. Два рынка, северный и южный, ломились от товаров и наполнились роями покупателей.

В доме Фалеса рабов посылали купить что-нибудь съестное. Увязавшись за ними, мальчик приходил на площадь, где нередко недалеко от

фонтана с его прохладными струями слушал Фокилида, любимца Милета.

– Вот вам ещё Фокилидово слово... – так всегда начинал декламацию поэт с цветочным венком на челе и четырёхструнной кифарой в руках, иной раз обнимая картинно статую коры, стоящую вместо колонны на входе в здание булевтерия.

Всем сердцем Фалес одобрял мысль Фокилида, что маленький город на скале, но с хорошими порядками лучше безумствующей Ниневии. Безумие... Что может быть отвратительнее безумия? И что может быть величавее человеческого разума, сравнимого с разумом богов?

В стихах Фокилид советовал согражданам заботиться о полях, избегать займов у дурных людей и сначала добиваться средств к жизни, а затем уже думать о добродетели. Наибольших благ он желал в городе «средним», ни во что не ставя знатность.

*Что за польза от знатного рода
Тем, у кого ни в словах обаяния нет,
ни в совете?*

75 Стихи Фокилида до глубины души трогали слушателей сочетанием мужества и тонкой шутки. Всех женщин он разделял на четыре племена: произошедших от собаки, пчелы, кобылицы и свиньи. Предпочтение в женитьбе советовал отдавать женщинам-пчёлам. Но больше всего юноше полюбили двустиише, равного которому по очаровательной насмешливости он не знал во всей последующей жизни:

*Все леросцы – не тот или этот –
Все, кроме Прокла, луны; впрочем,
леросец и он.*

Подрастающий Фалес смотрел на мир не так, как большинство, для которых всё будто само собой разумеется. Ему хотелось постигнуть непостижимое. Зачем существует небо, звёзды, Луна? Почему тепло идёт сверху днём и прячется ночью? Чем люди отличаются от богов? И откуда взялись боги? Есть ли у земли границы? Почему вода тушит огонь? Что есть мысль?

Обе милетские бухты защищали от морских бурь несколько островков. В две гавани то и дело заходили корабли. Бронзовотелые рабы с грузами на плечах сновали в порту. Поодаль от порта, где берег безлюден, Фалес купался под присмотром верных слуг.

Играя, к нему подплывала стайка весёлых дельфинов. Самого, как чувствовалось, молодого из них мальчик почитал своим другом и назвал Полиместором. И всегда тосковал, когда долго не видел его.

Двенадцать лет прожил Фалес, когда пришла весть о Ниневии. Милет ликовал. Разгромлено логово кровожадных львов! Гибель поразила чудовищный город! Ойкумена избавилась от беспощадного зла!

Ассирия всегда угрожала Милету. И теперь она пала. Но на следующий год беда пришла с другой стороны: на Милет обрушилась Лидия. Это богатейшее государство, чеканившее монеты из электра, соседствовало с Милетом на севере.

Войско лидийцев всегда сопровождало множество музыкантов и женщин, способных радовать воинов своим телом. А страх на противников нагоняли искусные лучники и конница, вооружённая длинными копьями.

Один за другим покоряла Лидия ионийские города. Милет отсиживался за толстыми стенами. Осада ему не грозила благодаря свободе с моря. Поэтому лидийцы, приходя к осени, жгли посевы, рубили фруктовые деревья и уходили. Дома сельских жителей они не разрушали, вероятно, потому, что карийское крестьянское население, покорённое в своё время милетянами, было родственно лидийцам по крови.

Одиннадцать лет подряд длились набеги. Затем тиран Фрасибул сумел заключить мир.

Он поседел за годы правления. Из опасения за собственную жизнь выходил к народу только с нарядом телохранителей, державших на поводках огромных чёрных псов. Время от времени разоблачал заговоры против себя и казнил врагов. Демос поддерживал его, так как Фрасибул отнял земли у эвпатридов, наделив ими малоимущих, и отменил долговое рабство. Стало быть, и семейство Фалеса, лишившись многого, приблизилось к «средним».

Повзрослевший Фалес занимался морской торговлей и путешествовал. Но торговал и путешествовал он не только ради денежных прибылей. Его всецело поглощала тяга к знаниям.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СУДЬБА ИУДЕИ

1

По обычаю иудеев, перед тем как готовить мясо животного в пищу, из него тщательно вы-

пускалась вся кровь. «Душа всякого тела есть кровь его: всякий, кто будет есть её, истребится» (Лев. 17:14). Земля во дворе Иерусалимского храма глубоко пропиталась кровью. В храм вереницами приводили крупный и мелкий скот для жертвенного сожжения. Ноздри Яхве приятно щекотал благоухающий дым. Дров левиты не жалели.

Для жертв выбирались красивые упитанные самцы – быки, козлы, бараны. Хозяин возлагал руку на голову тельца, очищаясь тем самым от грехов, и закалывал его, свеживал, резал на части. Левиты, сыны Аароновы, набрав крови в сосуды, окропляли ею жертвенник. Голову и жир они сразу раскладывали на дровах, внутренности и ноги ополаскивали водой и тоже сжигали. Бывало, что кто-нибудь приносил молодого голубя, которму перед сожжением сворачивали шею.

В особый общий день очищения грехов к храму приводили двух козлов. Священник бросал жребий. Одному из животных выпадало заклание, другому – удаление в пески. «И возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла, и исповедует над ним все беззакония сынов Израилевых, и все преступления их, и все грехи их, и возложит их на голову козла, и отошлёт с нарочным человеком в пустыню: и понесёт козёл на себе все беззакония их в землю непроходимую...» (Лев. 16:21).

Этот обычай евреи позаимствовали у вавилонян, которые складывали на козлов болезни, несчастья, вину за проступки. Начало же поклонения Богу Яхве уходит в прошлое по меньшей мере на тысячу лет от царя Соломона и приводит к шумерам и городу Угариту, уничтоженному халдеями за тысячу семьсот лет до рождения Христа.

Седобородый угаритский бог Илу восседал на заоблачном троне, который поддерживали керубы (херувимы). Жену Илу звали Ашера. Илу – Вечный Отец, Творец всех созданий, Создатель богов, Скачущий на облаке – мог принять облик быка. Племянник Илу Балу, рождённый от брата Илу Дагану, больше известен как Баал (Вaal) – громовержец и дожденосец, боровшийся с братом Муту, насылавшим жару и засухи. От «Илу» – имени Иегудиил, Самуил, Даниил...

Иудеи по достоинству оценили философскую глубину шумерского сказания-притчи о боге Энки, жившем в саду вечного блаженства на островах Дильмун. Ни смерти, ни старости, ни лютой зверей не было там. Хотя существовали и явления, противившие идеалу. Богиня чисто-

ты Нинсикила родила от Энки несколько дочерей. Она имела и детей-растения. За супружескую неверность и поедание детей-растений Нинсикила наслала на Энки восемь болезней. Сжалившись, сама же мужа и целила, а из его больного ребра родила дочь Нинти, которая и вылечила Энки. «Нинти» – «сделанная из ребра» и «дающая жизнь», как и еврейская Хавва (Ева). Притча об Энки говорит о том, что познание добра и зла ставит человека на одинаковую высоту с богами, давая ему бессмертие. Энки и Нинсикила покинули Дильмун, и там поселился благочестивый старец.

Змей и древо вечной жизни встречаются в эпосе о Гильгамеше: один из богов, не желая Гильгамешу бессмертия, вынырнул из воды в облике Змея и вырвал у него добытое им растение.

Ут-Напиштим рассказал Гильгамешу о Потопе, длившемся семь дней. Ут-Напиштим спасся в ковчеге. Он трижды выпускал птиц, чтобы узнать о близости суши. Ковчег прибило к горам страны Урарту (Урарат, Арарат). Богиня Иштар вознесла к небу дугу своего ожерелья... В отличие от Ноя Ут-Напиштим брал с собой «семя всякой жизни», в то время как Ной сумел вместить в судно всякой твари по паре...

С течением многих лет пути Баала и национального Бога иудеев резко разошлись. Яхве, он же Саваоф, непримиримо противопоставил себя Баалу. На самом деле Яхве не имел никакого имени. Если «Саваоф» означает «всё воинство» и косвенно указывает на Бога, то «Яхве» – «я существую», «я есмь сущий». У иудеев запрещалось произносить имя Бога. Только один раз в год его мог произнести первосвященник, уединившись в святой святыни храма. «Господь» – так привычнее всего именовали Всевышнего, который обитал в облаках.

Но, кажется, ни один народ в мире не имел с Богом прямых контактов, кроме евреев. И он являлся пред ними не добродушным старцем, а в огне, с грохотом и дымом, вселяя ужас. Первая известная встреча описана в Исходе, в главе 3.

Моисей, пасущий овец, зашёл далеко в пустыню. Он увидел горящий терновник и, дивясь, почему куст не сгорает, подошёл ближе.

– Моисей! Моисей! – послышалось из пламени.

– Вот я! – опешил пастух.

– Не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая.

Услышав, что зовёт его Бог, Моисей в страхе закрыл руками лицо.

Бог общается пастуху о его миссии – выводе сынов Израилевых из Египта. А Моисей не знает, Кто его посылает в Египет, как зовут Того, Кого, собственно, он давно должен был бы знать, так как сам упоминает Бога отцов.

– Вот, я приду к сынам Израилевым и скажу им: «Бог отцов ваших послал меня к вам». А они скажут мне: «Как ему имя?» Что сказать мне им?

– Я есмь сущий (Яхве). Так скажи сынам Израилевым: «Сущий послал меня к вам...» Вот имя Моё навеки и памятование обо Мне из рода в род.

В 592 году до нашей эры сын священника Вузии Иезекииль, живший в селении пленных иудеев на реке Ховар, увидел явление Бога в клубящемся огне и сиянии. Огромный летающий агрегат с колёсами, крыльями и животными, отдалённо напоминающими людей (у каждого четыре лица и четыре крыла), – такой облик явил Бог.

На протяжении двух десятилетий Иезекииль обличал соплеменников в неверии и призывал народ к возрождению национальной жизни. У него в доме устраивались собрания местных иудеев. Они открывали дверь, входили, совершали ритуальные действия с мезузой (это канделябр для свечей, напоминающий тот, что стоял в храме, – его халдеи увезли в Вавилон) и видели перед собой человека с чёрной коробочкой тфиллина на оголённом черепе.

Подобные дома собраний стали прообразом будущих синагог.

2

Иудея того времени жила тёмной и недружной религиозной жизнью. Часть народа почитала пожирателя младенцев Ваала и мать богов Астарту, дарующую плодородие. Другая часть поклонялась Саваофу-Яхве и приходила на собрания в Иерусалимский храм, построенный царём Соломоном. Многие не видели особой разницы между тем и этим и наивно старались уважать все известные им небесные силы.

Хотя в стране, разумеется, существовали законы, они часто нарушались несправедливыми судьями в пользу богатых и злых. Из-за беззаконности народ погрязал в пороках вроде пьянства, воровства, содомского греха и прелюбо-

действия. Пророки гневно обличали разврат, злодейство, беззаконие и неверие в Бога. При этом на языке иудеев пророки, безумцы и преступники именовались одним и тем же словом. К тому же то и дело появлялись и лжепророки, предсказания которых никак не сбывались.

Пророк Наум верил в спасение верных Яхве иудеев в грядущих событиях. Зато грозная участь ожидала высокомерных и безбожных ассирийцев. Гибель послал на них Господь. Всесвятой, всемогущий, всеправедный Бог всегда приводит в исполнение свои определения – милостивые к богобоязненным и карающие к нечестивым. Хотя сумятица международных отношений не всегда подтверждала убеждение Наума.

* * *

Царь Иосия уничтожил в стране все языческие капища, которых насчитывалось более трёхсот. Души иудеев теперь объединял храм с его священниками. По большим праздникам в Иерусалим стекались люди отовсюду с иудейской земли. Необычайно много их собиралось на празднике Суккот – празднике Кущей, когда после сбора урожая стояла унылая, дождливая пора. Люди несли с собой смоквы (инжир), виноградные кисти, стручки гороха и прочие дары земли. Столы с угощением ставились под открытым небом. Над ними сплетали ветви деревьев, увивали их плющом. Строились шалаши, в которых евреи вкушали пищу, как бы вспоминая об Исходе из Египта. Радость разливалась вокруг, играла на лицах, как того требовал праздник. С фиговыми ветвями в руках входили иудеи внутрь храма, где левиты свистели в дудочки и щипали струны кифар, отбивая такт тимпанами. А первосвященник на котурнах и в длинном белом одеянии, оленьей шкуре, вышитой золотом, в лидийской митре на голове, звеня колокольчиками, нашитыми на одежду, окроплял алтарь водой, чтобы небо не скупилось на дожди. И радость, радость, музыка веселья обнимала всё вокруг.

Но Иоаким, воцарившийся после гибели отца, восстановил капища язычников. Сам он считался нечестивцем и развратником, проводившим время в оргиях и преждевременно постаревшим в свои годы (от тридцати до сорока). Ему пришлось испытать потрясение и великую горечь, увидев, с каким аппетитом Навуходоносор пожирает окружающие Иудею княжества и города, как легко он захватывает Заречье (Зайорданье). Иоаким жаждал

возрождения Египта, под властью которого жилось легче. Когда Навуходоносор после битвы с Нехо в Египте отступил с остатками войска, многие народы возликовали. Счастливым себя почувствовал и царь Иудеи. С Вавилоном, понял он, покончено. Поэтому Иоаким отказался от выплаты Навуходоносору дани.

Тогда все в Иерусалиме знали Иеремию, странного человека, не имеющего семьи и ходившего с ярмом на шее, которое означало, что Иудея должна покориться Вавилону. Ибо так велит Господь.

Иеремия утверждал, что Бог сделал его пророком и через него вещает истину. Прямо в храме перед толпой собравшихся он обличал и народ, и священников, которые проповедуют от имени Бога, но сами увязли в грехах:

– Крадёте, убиваете, прелюбодействуете, клянетесь во лжи, кадите Ваалу!..

На внимающих ему это не так уж сильно действовало. Пророк же подводил к тому, что Иоакиму предстоит зловещая смерть и позорное погребение. И всем иудеям не будет спасения. Погибнет Иерусалим. Однако Бог может отменить наказание, если иудеи подчинятся его воле. А воля в том, чтобы надеть вавилонское ярмо.

Услышав такое – жестокое для страны и невыносимое для царя, – толпа обезумела от возмущения. Пророка схватили, требуя от людей знати смертного приговора для него. В разжигании народного гнева преуспевали священники. Ураган проклятий носился над головой Иеремии, бесчисленные кулаки, сжатые в неистовой злобе, потрясались над ним.

Он, однако, держался смиренно и твёрдо:

– Делайте что хотите! Но если убьёте меня – прольёте невинную кровь. И будете отвечать перед Тем, Кто повелел сказать вам то, что я сказал.

Князя иудейские, за которыми послали, пришли, сели у входа в храм и прислушались к речам, посмотрели на Иеремию. Они отказались вынести смертный приговор. Только Богу дано знать, от Его ли имени этот человек говорит.

Тогда священники уговорили князей и царя на расправу с пророком Урией, который тоже обличал грехи народа и предрекал гибель Иерусалима. Урия скрылся в Египте. Его нашли (благодаря фараону Нехо), доставили в Иерусалим, прилюдно обезглавили и выбросили тело за городские ворота.

Иеремия продолжал стоять на своём. Его заключили в темницу. На свидания к нему прихо-

дил молодой, богатый, образованный Варух, проявляя великое сочувствие. Он записал мысленно пророка на огромный папирусный свиток длиной в восемнадцать локтей (девять метров), который через знакомых Варуху придворных людей был зачитан перед царём в зябком декабре 604 года до нашей эры.

Иоаким сидел в покоях, отделанных кедром, слоновой костью и золотом. Он грел руки над огнём жаровни и мрачно слушал чтеца. Прочитанные куски свитка царь сам отрезал ножом и бросал в огонь. Свиток оказался бесполезным для его слуха.

Через три года, как гнев Божий, под стенами иудейской столицы появился Навуходоносор. Ворота перед его войском стояли открытыми настежь. Иоаким сам вышел навстречу с дарами и смирением во всём облике. Он изъявлял полную покорность и обещал выплату дани. Но в тот же день обезглавленное тело Иоакима за стенами города грызли голодные собаки.

* * *

На царский трон Навуходоносор посадил семнадцатилетнего сына казнённого Иоакима Иехонию. Это кажется невероятным, но и Иехония, несмотря на грустную отеческую судьбу, продолжал политику строптивости по отношению к Вавилону.

Через три месяца Навуходоносор вновь прибыл в Иерусалим. Наверное, этот могущественный царь устал верить людям. Поэтому шестую часть жителей иудейской столицы он отправил в Вавилон. Число пленённых подсчитано до одного человека: две тысячи триста двадцать три, во главе с Иехонией, многими знатными людьми, священниками и включая лучших мастеров по ремёслам. Влача на повозках с осликами своё имущество, длинная вереница пленных отправилась в долгий путь. Среди этих людей, чувствовавших себя несчастными, собрался в дорогу и юный Иезекииль. С печалью в глазах смотрел вслед уходящим Иеремию, так и не снявший с себя ярмо.

3

Несколько лет прошло после короткого царствования Иехонии. Лицо Иерусалима изменилось. Чужой дух поселился в нём. Прямо у ворот города поставили изваяние Фаммуза, любовника богини Иштар, бога весёлых оргий. Внутренние стены храма расписали пальмами, грифона-

ми и неведомыми ящерицеобразными существами. Новым богам приносились жертвы. Но всё так же в огромном храмовом дворе во дни принесения жертв бляели и мычали целые стада, кровь лилась ручьями, священники ходили по щиколотку в красной жиже.

Колоссальная площадь храма могла бы вместить сотни тысяч человек. Иудеи по-прежнему толпились внутри, совершив омовение водой из медного сосуда высотой в полтора человеческого роста. Один из них, Анания, проповедовал, что через два года Вавилон падёт. Соплеменники вместе с Иехонией возвратятся из плена. В храм вернутся священные сосуды, увезённые Навуходоносором, дни которого сочтены, потому что с севера придут бесчисленные скифы, а на юге поднимется Египет с новым фараоном, воинственным Псамметихом Вторым. Анания ссылался на вещавшего его устами бога Саваофа. Бог разрушит ярмо Вавилона и за два года восстановит Иерусалим!

– Аминь! – возгласили слушавшие Ананию.

Иеремию стоял в толпе и тоже сказал: «Аминь!» Анания разошёлся не на шутку, сорвал с него ярмо и разбил о камень. Иеремию поплёлся прочь.

79

Несколько дней он страдал в смятении и ждал, чтобы Бог вразумил его. Когда же он снова пришёл в храм, его шеягнулась под железным ярмом.

– Послушай, Анания! – сказал он. – Господь тебя не посылал, и ты обнадёживаешь народ сей ложно. Иго Вавилона станет железным, и Навуходоносор будет править безраздельно! Кто учит людей тому, что сами они хотят услышать, тот лжепророк! Говорю же вам, люди, что смерть ждёт всякого несущего ложь!

Месяца через два Анания умер. События же, вдохновлявшие его, продолжались. Из пределов Вавилонии долетали кое-какие известия. Оказывается, в поселениях пленённых евреев поднимался ропот и мятеж. Пленные жители страшились быть застигнутыми скифской волной. Ведь гибель от скифов казалась неминуемой. Свист их стрел стоял в воздухе. На границах Вавилонского царства они свирепствовали, грабили города, уводили людей в рабство.

Навуходоносор спешно укреплял столицу, построив вокруг города вторые стены. С подстрекателями иудейского бунта он обошёлся безжалостно, прослышав о них, возможно, по слову Иеремии. Подстрекателей звали Ахав

С тех пор он говорил от имени Бога и отправлял послания в Иерусалим.

4

В лице фараона Псамметиха Второго Египет вновь воспыал желанием борьбы и победы. Собрав мощный флот, фараон прибыл в финикийский Гебал (Библи) со свитой военачальников и жрецов, бросая прямой вызов Вавилону, под властью которого Финикия находилась. Окрестные царьки замыслили мятежи. Проегипетские «пророки» льстили населению обещаниями.

Долго колеблясь, царь Седекия тщательно взвешивал различные возможности. Решающей оказалась его неугасимая симпатия к Египту, которую разделяло большинство иудейской аристократии. Когда в Иерусалиме тайно собрались на совет послы городов, Седекия очень рисковал, понимая, что некоторые слухи могут достигнуть ушей Навуходоносора. И действительно, тень подозрения упала на Иерусалим из Вавилона. Тем не менее подготовка к восстанию началась.

Узнав о заключении союза Иудеи с Египтом, Навуходоносор немедленно выступил в поход и вскоре расположил войска лагерем под стенами еврейской столицы, по пути разграбив страну. А гонцы Седекии уже мчались к фараону просить о помощи войсками и в особенности боевыми колесницами. Если не считать Иеремию, ходившего по улицам с призывом сдаться на милость победителя, население города жило надеждой выстоять. Седекия заключил с народом завет (договор) и огласил указ об освобождении всех рабов, благодаря чему ряды защитников могли вырасти. Всего в Иерусалиме проживало тысяч двадцать людей.

Город стоял на двух холмах, разделённых оврагом с когда-то обрывистыми краями, а теперь засыпанным землёй. Нижний холм заселился ещё при царе Давиде, и его сын Соломон построил на нём храм. Другой холм, более высокий, со временем стал центром, называясь Верхним городом.

Оборона Иерусалима устраивалась по последнему слову тогдашней техники. Тройные стены семиметровой толщины опоясывали его. Настоящие пропасти испещряли каменистую территорию вне стен. Такой особый, «клещевой» запор ворот, как в иудейской столице, имели лишь немногие города вроде Афин. Дороги направлялись к воротам под углом, чтобы атаку-

и Седекия (нового иудейского царя тоже звали Седекией). Непреклонный властитель приказал поджарить их живыми на медленном огне.

В то же время неожиданно разрешилась скифская угроза. Мидийский царь Киаксар пригласил их вождей на пир, напоил допьяна и уничтожил. После этого обезглавленное скифское войнство проиграло битву и рассеялось по степным просторам, не давая о себе знать сотни лет.

Иудейский царь Седекия отправился с посольством в Вавилон. Седекией – «правдолюбивым» – он, собственно, стал не от рождения, а повелением Навуходоносора, который, надо думать, видел в этом имени желанный знак. Перед тронем Седекия принёс ему клятву верности, скрепив её святостью Бога Саваофа. При этом царю Иудеи пришлось ползти на животе, чтобы поцеловать край сапога повелителя мира.

Пленные иудеи жили в Вавилонии отдельными посёлками, сохраняя семьи, обычаи и веру. В храмах города Ниппур свято чтились общие ассирийско-вавилонские боги. Этот город, стоявший на реке Ховар, питал религиозную жизнь вавилонян. И рядом с ним (в глазах пленников – источником невыносимой мерзости) поселил вавилонский царь, склонный к глубоким мыслям, самых знатных и гордых из страны виноградной лозы. Здесь жили Иехония и Иезекииль, не успевший принять священнический сан в Иерусалиме. Они проживали в отдельных домах со свитами и слугами.

Необычность человеческого склада Иезекииля вполне отвечает силе его духа. Он ел испечённые из навоза лепёшки. И обрил голову наголо, резко выделиться из чернокудрых соплеменников. Четыреста тридцать ночей Иезекииль спал, положив под подушку кирпич, на котором было написано одно слово: «Иерусалим».

На пятый год пленения он воочию увидел Бога, который представлял собой фантастическое, поражающее воображение зрелище. Оно не соответствовало образу гармонического величия и красоты. Сверхъестественное существо, увиденное Иезекиилем, напоминало сочленение машины и человекообразного чудовища: четыре лица на колёсах, гром, огонь, дым, свет. Сдавленный ужасом, Иезекииль упал и вжался в землю речного берега.

– Сын человеческий! – обратился к нему Бог.

Иезекииль записал потом обращённые к нему слова (которые позже были запечатлены в Ветхом Завете).

80

Ющие воины поворачивались к стене правым блоком, который не прикрывался щитом. Вода текла из источника Гихон, замаскированного под землёй вне города, подземным же путём поступала к жителям и накапливалась в нескольких прудах.

Защитники твердыни смело озирали полчища окруживших их врагов. И гордо реяли над стенами иудейские стяги с изображёнными на них крылатыми жуками. Похожие на жуков диски высились на металлических шестах.

Постояв некоторое время под стенами, вавилоняне свернули палатки и ушли. Иерусалимцы почувствовали безумную радость. Они беспредельно веселились. Рабов и рабынь вернули назад в кабалу, нарушив данные прежде клятвы.

Опозоренный пророк Иеремия снова подвергся гонениям и насмешкам. Но сам он радостно безбожных соплеменников считал преждевременной:

– Царь Вавилона вернётся! Услышите голос Бога Саваофа! Моими устами говорит Он. Если вы не откроете город вавилонянину, Он разрушит его и разрушит храм!.. Придут халдеи, придут!

Псамметих в те дни весьма некстати отправился на вечный покой в гробницу. Навуходоносор разбил полного дерзостных планов его сына Априя и отогнал в египетские пределы. Затем вавилонский царь усеял трупами мятежный Дамаск и со злобной решимостью вернулся к Иерусалиму.

Он никуда не спешил. За те полтора года, что длилась осада, вавилоняне сделали земляные насыпи вровень со стенами, построили осадные башни и метательные машины. Жители города погибали от голода. Живые иссохли, как мумии.

Немало испытаний выпало на долю Иеремии. Не раз Седекия посылал за ним, чтобы посоветоваться. Он просил пророка помолиться за Иудею и вымолить у Яхве-Саваофа спасение от врагов. Пророк стоял на своём: город надо сдать.

– Всю Иуду предаю в руки царя вавилонского! – гневно говорил Бог пророку. – И даже зверей полевых отдаю ему на служение! Все народы будут ему служить. И сыну его, и сыну сына его...

В разгар голода и всеобщей почти глухоты к своим пророчествам Иеремия решил покинуть умирающий Иерусалим.

Стражник задержал его в воротах:

– Куда? К халдеям хочешь перебежать?!

– Нет! Хочу уйти в землю Вениаминову!

– Халдеи вокруг! Мимо них не пройдёшь.

К ним хочешь?!

– Ложь! Не хочу!

Бедного Иеремию отправили к князьям, которые остервенело били его и приказали бросить в подвал бывшего дома писца Ионатана. Хлеба ему почти не давали.

– Если ты пророк, пусть Бог тебя и кормит! Что ж Он тебе не помогает?

Вновь Иеремию привели к Седекии. Измождённый узник взмолился об освобождении из неволи. Царь смягчил наказание и распорядился перевести его в дворцовую тюрьму – большой двор, на котором толпились осуждённые, прикованные цепями к стене. Но они могли говорить с теми, кто приходил снаружи. И здесь старик не унимался, громко взывая, обличая и заклиная свершением Божией воли. Надзиратель ударил пророка и посадил его в колоду у ворот, а назавтра выпустил.

Князья требовали от Седекии смертного приговора:

– Не пора ли казнить сумасшедшего, который желает не благоденствия, а бедствия? Его слова ослабляют силу воинов!

Седекия уступил:

– Вот он, в ваших руках.

Того, кто так бесил людей, схватили и опустили на верёвках в яму-колодец, погрузив по грудь в грязь. Там бы и умер он, если бы царский евнух Авдемелех, чёрный эфиоп, не обратился с жалобной просьбой к Седекии. Приговорённого вытащили на воздух...

Один поступок знаменитого безумца особенно обсуждался во всех переулках Иерусалима и вселял надежду в погибающих жителей. Находясь в тюрьме, Иеремия купил участок земли, оформив сделку по всем требованиям закона. Если пророк купил землю, значит, он видит её грядущее процветание? Находились и те, кто думали по-злому: «Покупатель сей земли мечтает жить в благодарении от Вавилона!»

5

Душной ночью 18 июля 586 года до нашей эры под россыпью небесных звёзд начался штурм. Осадные башни примкнулись к стенам. Засвистели стрелы. С северной стороны заухали удары тарана. В проломленную дыру неудержимо хлынули халдеи. Часть из них сразу устремилась к храму, где металась жителями, и левиты в белых ризах вздымали руки к небу, отчаявшись молить его вслух.

Царь Седекия понял, что всё кончено. Но он имел время, чтобы спасти себя, и бежал вместе

с жёнами, сыновьями, дочерьми, военачальниками и людьми двора. Царь мчал на колеснице, другие верхом на лошадях. Через южные предместья и царский сад, мимо водоёма...

Солнце уже взошло. Сзади скакала бешеная погоня. Направление бегства выдали левиты, спасавшие свои жизни предательством. Ещё немного, и следы беглецов потерялись бы в Иудейской пустыне. Однако близ Иерихона бежавшие попались. Царская охрана, завидев на горизонте тучу пыли от быстрых всадников, рассеялась кто куда...

Седекию отправили в ставку Навуходоносора. Вавилонский властелин донимал иудея вопросами о клятвопреступлении и упрёками. Ведь не зря же он переименовал того, кого от рождения звали Матфанией («дар Господа»), в Седекию («Божия правда»). При своём дотошном характере Навуходоносор придавал большое значение как моральной, так и мистической стороне обозначений. Но что мог ответить ему Седекия? Он проиграл. А победы он, тоже куражился бы над побеждённым. Такова доля людей власти.

Им обоим предстояло ещё поучаствовать в кровавом действе. Одному – получить мрачное удовольствие зрителя, а другому – испытать такое, что, будь его воля, он попросил бы Бога, чтобы мать не рождала его.

Слепой и утративший связь с жизнью, но ещё живой, чтобы страдать, комок плоти отправил в Вавилон.

Навуходоносор удалился со стражей впереди и позади себя, направляясь к своей колеснице. Все встречные, завидев его издали, мгновенно падали ниц. Царь шествовал умиротворённый, но хмурый, сокрушённый мыслями о неблагодарности покорённого им мира.

Иерусалим грабили, рушили, уничтожали. На территории храма заработали молоты в мускулистых руках. Золото, серебро, куски меди от разбитых колонн, жертвенника, чана для омовения, называемого «море», увозили в Вавилон. Зарево от пылающей столицы наводило иудеев на мысль о всемогущих силах неба, наславших проклятие и бедствие.

Длинными колоннами брели в цепях несчастные. Среди них хромал Иеремия. По приказу Навуходоносора его разыскали и привели к военачальнику Навузардану. Пророк воспринимался вавилонянами как союзник, достойный большой награды. Навузардан поинтересовался, где тот хочет жить: в Вавилоне или на роди-

не? Иеремия выбрал второе. Его одарили так, что он мог бы считаться богачом, наделили продуктами и с почестями отпустили.

Впоследствии Иеремия оказался в еврейской диаспоре Египта. И однажды соотечественники за предрекаемые им бедствия забили его камнями...

6

Мать всех богов Кибела разбудила Тешуба. Бог Тешуб не сразу проснулся. А когда открыл глаза, не спешил встать и выйти из небесных покоев. Он умыл лицо, покрыл тело золотистыми одеждами и тогда вознёсся над вселенной.

Небо над вершинами гор потемнело. Мир, окутанный мраком, наполнился чувством тоски, воздух замер, птицы и звери попрятались. Бог Тешуб глубоко вздохнул. Ветер прошелестел по долам. И опять всё затихло.

Мать Кибела воздела руки к сыну:

– Ну, пора, сынок!

– Нет, не пора, – чуть нахмурился Тешуб.

Он слушал дыхание тёмной земли. Его уши различали малейшие шорохи, возню в норках жучков и человеческие сердцебиения. Его глаза созерцали хлебные поля, лачуги бедняков и дворцы вельмож. В его ум проникала жажда, которую испытывали растущие травы. Бог Тешуб посмотрел на мать и очнулся от созерцания.

Тело его налилось неистовым духом. И он со свирепой силой метнул копьё в дальнюю скалу. Ярость огненного сполоха, расколовшего небо, испугала всех живущих внизу. Сразу же за тем последовал колоссальный удар грома, раскатившийся в горах многократным эхом. И тут же потоки воды извергнулись с неба. Она падала струями и катилась с гор бурными ручьями, орошая долины.

Сверкали молнии, дождь лил и лил, и, когда он кончился и в чистой лазури воссиял лик солнца, мать Кибела улыбнулась. Из глаз её капали слёзы счастья. Лидия расцветала. Весёлой зеленью покрывались луга. Алые маки запестрели на ковре весны.

Лидия жила в полной зависимости от великой женской души Кибелы, которая могла либо явить милость, либо в исступлённой ярости разорвать на части любого, как своего неверного возлюбленного Аттиса. Ей надлежало верно служить и всецело отдаваться.

Поэтому матери говорили подросшим девочкам:

– Доченька, ты уже достигла лет цветения. Пора пойти в храм и отдать себя богине.

82

Отдаваясь в храмах мужчинам, девушки за-
рабатывали себе приданое.

На весенних празднествах Кибелы её статую украшали цветами. Сидя на троне, с зубчатой короной на голове, со львом, лежащим в ногах, мать богов зорко наблюдала за тем, что делается в её честь.

* * *

Царь Алиатт явился на празднество матери Кибелы вместе с десятилетним сыном Крёзом. На храмовой площади надрывались десятки флейт и гулко били барабаны. Нарядные девушки смыкались с толпой разного люда. Мужчины вводили их в сторону от кишашей народом площади.

Опьянённые напитками юноши на глазах у всех резкими взмахами кинжалов лишали себя того, что делало их мужественными. Кровь струилась по ступеням каменной лестницы, ведущей к входу в храм.

Царь наблюдал происходящее с возвышения. Только когда вывели семерых из тех трёхсот, что прислал Периандр, он оживился, глаза сверкнули.

Судьба остальных давно была решена. Часть остались евнухами в царском гареме, другие отправлены подарками в знак расположения к верным вельможам. Семерых Алиатт решил посвятить самой Кибеле. В белых хитонах, венках, красивые, темнокудрые, они предстали перед богиней, жрецами, жрицами и народом. Шестерых искалечили быстро и увели прочь, как тряпичных кукол. Опоённые зельем, они не издавали криков. Последний из них истошно завыл. Алиатт сглотнул слюну и с наслаждением откинулся на спинку кресла. Воины его личной гвардии остались невозмутимы, словно отлитые из бронзы.

Зато восторженный Крёз внезапно выскочил на площадь и побежал к жрецу, застывшему с окровавленным ножом.

– Я тоже так хочу! – кричал Крёз. – Я люблю Кибелу! Я люблю-у!..

Вскинувшись, Алиатт чуть повернулся к воинам. Двое тут же побежали к царственному мальчику и привели его к отцу.

Удручённый выходкой сына, Алиатт с трудом дождался окончания праздника.

Река Пактол вздулась от весенних вод. Она давала золото, много золота, добываемого из придонного песка. Царская колесница проехала по мосту. Река делила Сарды, столицу Лидии, на две части. На одном берегу жили бедные, другой занимали роскошные дворцы.

К Алиатту один за другим прибыли три гонца. Первый из них привёз вести о Навуходоносоре, войско которого как раз захватило Иерусалим. Второй гонец прискакал с пограничной реки Галис, разделявшей Лидию и Мидию. Он рассказал, что Фалес, нанятый для руководства работами, завершил строительство канала по отводу воды из русла. Теперь войско может перейти Галис вброд.

Алиатт задумался. Уже шесть лет он воевал с Мидией за то, чтобы присоединить к своим землям Фригию. Подобное желание имел и мидийский царь Киаксар. Алиатт жаждал битвы и долгожданной победы.

Но третий гонец приехал с удивительным известием, полностью изменившим ход мыслей царя: Киаксар ушёл в мир теней. Его наследник Астиаг предлагает мир и союз.

Союз Мидии и Лидии и был вскоре заключён при посредничестве Навуходоносора.

* * *

Существует красочный рассказ Геродота о том, как между лидийцами и мидийцами началась битва, но воины обеих сторон в ужасе разбежались из-за солнечного затмения, предсказанного Фалесом. Солнце скрылось, день обратился в ночь. Напуганные зловещим явлением, Лидия и Мидия заключили мир.

В XVIII веке астрономы провели вычисления и пришли к точной дате затмения: 28 мая 585 года до нашей эры. Эта дата стала для историков путеводной звездой. Она фигурирует в сотнях источников как популярных, так и академических. Однако ещё Николай Морозов в начале XX века доказал, что никакого солнечного затмения в указанное время не произошло. Тот же вывод, увы, подтвердился благодаря современным компьютерным расчётам. Таким образом, сообщение «отца истории» представляет собой одну из его многочисленных баек – и не более того.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ГОДЫ УЧЕНИЯ

1

Фалес путешествовал по ойкумене. Душа его наполнилась музыкой.

Корабль скользил по волнам виноцветного моря, Гомером воспетого. Вот побережье Финикии, родина предков... Линия гор в тишине юного сна прекрасной земли. Дневное светило жар источник, как будто в небе плавилась медь. Пло-

ская, как ладонь, впереди равнина лежала до самой далёкой дали, куда взор доходил. Что же там дальше навстречу восходу, если будет за спиной Вавилон? Реки, горы, леса, неизвестные страны и где-то уже край земли, а за краем лишь океан беспредельный...

Вавилон несказанен, величием ни с чем не сравнимый из человеческих мест обитанья. На стенах, необъятных для взора (куда там милетским!), неусыпная бодрствует стража. Огромная башня небо вершиной хочет достать. Прямые, широкие улицы ведут к площадям и садам, зиккуратам и рынкам, обильным товаром.

Город кишел людьми. Множество иноземцев встречалось здесь. Фалес жил среди греков-купцов. Обликом он равнялся на осанистых вавилонян: длинное белое одеяние с каймой внизу, завитая борода, резной посох в руке. Такому обычному виду следовала тогда вся знать ойкумены.

Продав партию изящной мебели, Фалес бродил по улицам в сопровождении двух рабов. Его влекло к рыночной толчее. В пестроте красок и гомоне толпы он чувствовал себя легко, как дельфин в море, и при случае мог вступать в разговор на арамейском языке. На рынке можно было увидеть борьбу силачей, прыжки акробатов, искусство канатоходцев или что-нибудь омерзительное, но любопытное, как тот измождённый, дочерна опалённый солнцем нищий в лохмотьях, который вытаскивал из ноздри длинного белого червя, живущего у него внутри.

– Господин! Рабыня всего за пять сиклей! – азартно выкрикивал шальноглазый мальчишка.

Зная о шнырявших вокруг ворах, Фалес привык держать ухо востро: чуть оглянься на возглас, как ловкая рука скользнёт по поясу с висящим на нём кошельком...

Освоившись с городом за год, Фалес стал знать жизнь вавилонян не хуже их самих. Многие носили печаль в глазах и сетовали на несправедливость, которую допускают боги: почему зачастую почёт достаётся злым и сила на их стороне?

*Что же я плачу, о боги? Ничему не внимают люди...
Выше всех знатного ценят слово,
который учил убивать;
Унижают слабого, хоть нет у него грехов;
В пользу злого свидетельствуют, чья жизнь –
святотатство;*

*Справедливого гонят того, кто ищет света
у бога;
Несут жестокому металл благородный,
чьё имя – грабитель...*

(Из «Вавилонского Екклезиаста»)

Очень толково и цепко проявляли себя вавилоняне в торговых делах, умели считать, что выгодно, что нет. Человеческую душу они полагали бессмертной, но смерть страшила их как безысходное прозябание в мире теней. Жить под яркими лучами светила куда веселее, однако понастоящему жизнь хороша лишь в достатке и богатстве. Так или иначе, судьба каждого из живущих записана ещё до рождения, и свернуть в сторону от начертанного пути никому не дано. Фалес это вполне понимал. Греки ведь тоже знали о всеильности рока.

Полчища невидимых демонов, добрых и злых, окружали каждого из жителей Вавилонской земли. Добрых следовало задабривать и умолять их о милостях. Злые страшили, принося несчастья и болезни. От них помогали избавиться маги-врачеватели, заклинатели недугов.

Однажды Фалес, будучи в гостях у знакомого халдея, увидел его родственника, лежащего на ложе бородой вверх и тяжко вздыхавшего в удручении хворью. В дом привели чёрного козла. Таинственно вода руками и бормоча заклятия, врач перенёс в животное несправедливые поступки больного и его болезнь. Козла увели на заклание. Больной же уснул, а наутро... встал бодрым.

Снедаемый любопытством, Фалес беседовал со многими людьми знаний и всё вбирал в себя. Представления вавилонян о мире очень отличались от тех, к которым привыкли греки. На стене одного храма он углядел изображение чудовища – человекорыбу с ногами из-под хвоста и лицом из-под рыбьей морды, с кистями рук, растущими из плавников.

– Кто это?

– Это У-Ан. Он принёс людям все знания, которые сделали их людьми. Однажды он вышел из моря и начал проводить дни среди людей, на ночь скрываясь в пучине. Он научил черноголовых (шумеров, так как они первые пришли на берег залива и стали жить в Междуречье) жить в городах, основывать храмы, устанавливая законы, выращивать злаки и плоды, научил искусствам, наукам: математике, геометрии... И он показал письма. После черноголовых суда

пришли другие племена, и знания стали распространяться всюду...

– Когда же приходил У-Ан? До Потопа или после?

– У-Ан приходил после Потопа. Он мог приходить и раньше, но мы не знаем того. Людей почти всех, до Потопа живших, водой унесло...

Сначала на земле жили только боги (не раз слышал Фалес такие рассказы от разных людей). Мир они поделили между собой по жребию. Ану, отец всех богов, стал владыкой небес. Другие аннунаки получили во владения землю, водные глубины... А богам-игигам достался труд. Они прорыли русла Тигра и Евфрата, каналы, построили дворцы для аннунаков. Долгие годы они без отдыха работали в болотах. И так две с половиной тысячи лет. И, устав безмерно, игиги восстали. Тогда Ану решил, что следует создать людей, чтобы переложить на них бремя труда. Боги убили Ве-Ила (одного из своих сородичей) и на его крови замесили глину – вот почему душа человека божественна. Кровь – это душа.

Через двенадцать столетий расплодились люди. Шум от них мешал богам отдыхать (Фалес при этих словах всегда делал усилие, чтобы сдержать улыбку). Поэтому Энлиль, хозяин земли, решил их уничтожить. Хорошо, что Энки, владевший водой, был добр. Ему больше всех и поклонялся Атрахасис, мудрейший из тогдашних людей. Когда Энлиль наслал на землю всё заливающий дождь, Энки научил Атрахасиса: «Разрушь свой дом, корабль выстрой! Презри богатство, спасай душу! Возьми зерна и добра, жену, детей, рабочих, тварей степных, травоядных и диких...»

Семь дней и ночей бушевали волны. Когда они схлынули, лик земли был пуст и мёртв. Но благодаря Атрахасису человечество возродилось.

О Великом потопе Фалес слышал и в «Песни о Гильгамеше», где спасшегося человека зовут Ут-Напистим.

Больше всего Фалеса интересовали действия с числами, геометрия и небесная сфера. Он жадно ухватывал новые для себя идеи. Главным числом вавилоняне считали 60. От него многое зависело, включая расчёт времени в сутках. Вавилонские жрецы уже имели понятие о нуле. Они знали о возведении чисел в квадрат и решали квадратные уравнения. У них были даже вычислительные устройства, куда более сложные, чем греческие абаки (счёты).

И каждую ночь звездочёты поднимались на башни, чтобы наблюдать небо. Они знали пять видимых планет, созвездия, умели вычислять время лунных и солнечных затмений...

2

Он прибыл в Египет на корабле. Но прежде чем ступить на землю древней мудрости, надлежало получить сиджил, без которого он мог бы считаться иноземцем, преступно нарушившим границу, и всё его имущество должно быть конфисковано и сожжено.

Круглолицый египтянин в парике, закрывающем уши, с хмурой важностью оглядывал статного грека. Один писец переводил речь, другой быстро водил палочкой-стилом, сидя со скрещенными ногами на коврике. Наконец чиновник поставил на папирусе печать золотым перстнем с именем фараона.

По одному из рукавов дельты Нила Фалес со слугами отправился в парусном челне. Плыли в Навкратис, греческую колонию, лет сто назад основанную милетскими купцами. Тугой ветер с моря упорно гнал кораблик против нильского течения. Вода казалась живой из-за множества других судов, бегущих по бурным волнам. Кричаще-яркая зелень густо росла по берегам. В зарослях папируса алыми пятнами цвёл лотос. Между местностями с буйной дикостью природы виднелись отрезки ухоженных участков с финиковыми пальмами и гранатовыми деревьями. Воздух кишел взлетающими и садящимися на воду птицами, резкие голоса которых сливались в давящий на уши гул. Цапли, пеликаны, лебеди, фламинго, утки...

В Навкратисе процветало гончарное ремесло. Большими партиями изготавливались и хорошо продавались жуки-скарабеи. Фалес встретил в городе много старых знакомцев.

Управившись с торговыми делами, он посетил столичный Саис с его дворцами, храмами, обелисками. Но жгло нетерпение побыстрее увидеть Гелиополь, называемый египтянами Иуну, где хранились самые сокровенные знания.

Дорогу в Гелиополь проторили Солон и другие видные греки. Однако это не означало, что они посвящались в великие тайны, которые свято берегли от иноземцев жрецы. Поэтому Фалес взял с собой побольше золота. Он знал, что трудно найти дверь, которую не открывал бы жёлтый металл. Перед ним благоговейно даже досточтимые мудрецы, наделённые разумом от богов.

Гелиополь поражал могучими громадами храмов. Едва ли не десять колесниц в ряд могли бы проехать по стене храма Атума, настолько широкой. Жрецы, бритоголовые, без париков, с леопардовыми шукурами через плечо, иной раз появлялись в храмовом дворе. Их лица выражали деловитость и замкнутость в себе. И всё же эти люди не отказались вступить в разговор с иноземцем, знатным по виду. И Фалес узнал о том, что его интересовало: о Бенбене и происхождении мира.

Камень Бенбен стоял в святой святых храма, куда допускались лишь избранные жрецы, но символизировали его многочисленные обелиски с золочёными пирамидами. Мир, рассказали Фалесу, возник так. Сначала не существовало ничего, кроме безраздельной пучины вод. Но вот что-то всколыхнуло хаос, застывший вне времени. И состоялся миг творения: из водного мрака появился холм конической формы. На вершину его села птица Бену – Феникс. В таком облике пришёл в мир бог Атум, давший начало жизни. Создав воздух, он взлетел высоко на небо и стал солнцем – Ра, Атумом-Ра.

Но откуда взялся сам Атум, давший сушу, воздух и жизнь? Он прилетел с далёкого, расположенного за пределами нашего мира, Острова Негасимого Огня, где рождаются боги и присылаются к нам. Атум принёс семя жизни: оно называется хека. Благодаря семени жизнь бессмертна, потому что, умирая, возрождается вновь...

Из поколения в поколение жрецы Гелиополя передавали знания, накопленные за тысячи лет. Из мириад звёзд они нашли одну-единственную, которая своим появлением над горизонтом возвещала о времени разлива Нила и чьё кругообращение совпадало с годовым солнцеворотом. Египтяне звали её Сотис (Сириус) и считали воплощением богини Исиды.

В других отношениях наблюдения неба здешние жрецы знали тоже немало, однако меньше, чем халдеи, и ещё меньше придавали значение влиянию звёзд на жизнь людей.

Проведя сколько-то времени в этом городе, где поклонялись солнцу, Фалес снова собрался в путь – в Мемфис, над которым покровительствовал бог Птах. Неимоверная жара, раскалённый от ветра-суховея воздух позволяли двигаться только ближе к вечеру, когда землю освежал ветерок, дувший с моря. Восторгом наполнилось сердце Фалеса, увидевшего белоснежные стены города.

Внутри белого прямоугольника кипела многолюдная жизнь. Фалес расположился на отдых у знакомого грека-милетца. Затем прогулялся по улицам. Проходя мимо школы писцов, он увидел мальчика, сидевшего над белыми и чёрными камушками и задумчиво переставлявшего их так и этак. «Решает задачу с дробными числами», – пришла догадка. Он подошёл ближе и присмотрелся. Ученик поднял глаза.

– Трудная задача? – спросил Фалес, овладевший уже навыками местной речи.

– Да, господин, – смущённо ответил будущий писец. – Мне надо девять человек накормить пятью хлебцами, чтобы всем досталось поровну...

Фалес помог юному ученику Птаху найти верное решение и пошёл дальше.

– Спасибо, господин! – раздалось сзади радостное восклицание.

На следующий день Фалес стоял перед тремя великими пирамидами, слепяще отражавшими блеск солнца облицовочными плитами. Изумление чудом света долго не покидало его. Но ему хотелось поведать грекам об их точной высоте. И он знал, как измерить пирамиду от основания до горевшего золотом навершия, потому что заранее измерил длину своего посоха, неизменного спутника его странствий.

86

Слуга укрепил посох на ровной поверхности и отметил камушком на песке расстояние, равное высоте палки. Оставалось ждать, когда тень от посоха вплотную приблизится к камушку. Затем следовало всего-навсего пометить край тени от пирамиды и замерить расстояние до её основания...

Проделав всё это, Фалес обратился взглядом к сфинксу, охранявшему покой пирамид. Греческий миф подразумевал другого сфинкса – с лицом женщины и коварными загадками, которые удалось разгадать фиванскому царю Эдипу. Этот же лев с ликом фараона хранил величественное молчание.

Душа Фалеса кружилась в высоком полёте и радостно трепетала оттого, что он полон знаниями и человеческим разумом и что он грек, хотя и с финикийской родословной. Он улыбнулся сфинксу как доброму другу и отправился восвояси.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОБЕДИТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ

1

Люди непрерывно воевали друг с другом. Мир переполнился народами-хищниками. Ионяне теснили карийцев. Лидийцы заседали

на ионян. Мидийцы поработили персов, а те, захватив власть, подчинили себе мидийцев.

Под натиском Лидии ионянам приходилось нелегко. Смирна пыталась сопротивляться царю Алиатту и пала, а после разграбления восстановиться уже не смогла, осталась захиревшим поселением.

Пришёл и тот час, когда Алиатт отправился на вечный покой в курган, самый большой из всех возведённых для повелителей Лидии. Два года Крёз, рождённый от кариянки, боролся за власть со сводным братом, родившимся от ионянки. А победив брата, снова, как и отец, двинул войско на Ионию.

После того как он захватил Эфес, все остальные греческие города побережья признали себя побеждёнными и стали платить Лидии умеренную дань. Такое положение вполне устроило бы их, поскольку широкая морская торговля позволяла богатеть. Но начались события, которые встряхнули ойкумену, как землетрясение.

Царём Мидии стал Кир, выигравший войну против своего деда Астиага. Крёзу очень не нравился молодой сосед. Из-за реки Галис доходили слухи о его завоевательных устремлениях. Крёзу хотелось ударить первым, но одолевали сомнения. И он отправил гонцов с богатыми дарами к Дельфийскому оракулу. Чтобы дать правдивый ответ, оракулу, то есть жрецам храма в Дельфах, следовало хорошо подумать. Ответ был безошибочен: «Перейдя реку, ты сокрушишь великое царство».

Оставалось исполнить волю богов. Обманутый оракулом Крёз перешёл Галис и сокрушил царство. Разумеется, не Кира, а своё.

Битва с войском Кира завершилась на равных, не дав перевеса ни одной из сторон. Разочарованный её исходом, Крёз отступил, желая отсидеться зиму в Сардах и не предполагая, что персы ворвутся в его страну.

Однако прошло совсем немного времени, когда они показались под стенами лидийской столицы. Осада длилась всего четырнадцать дней, после чего город был взят штурмом и началась резня. Крёз перестал существовать, растворился в воздухе дымом, захваченный в плен и сожжённый на костре.

2

Кир послал ионийским полисам предложение, чтобы они покорились ему добровольно. Первые мужи от городов собрались в Панионии, священной роще близ города Приена, чтобы обсудить

послание Кира. И все, кроме милетян, решили отвести отказом. Ведь бремя даней персы накладывали куда более тяжёлое, чем Крёз. Милетяне же по совету Фалеса постановили уступить силе.

На завоевание Ионии Кир бросил войско во главе с мидийцем Мазаресом. Первый же город, Эфес, не выдержал его удара и подвергся безжалостным издевательствам над жителями. Тогда остальные строптивые города обратились к персидскому царю с изъявлением покорности. Однако Кир, если верить «отцу истории», ответил им усмешкой и напомнил басенку о рыбаке, который флейтой выманивал рыбу на берег. Она отказывалась от музыкального приглашения. А когда попала в сеть и забилась на земле, он сказал ей: «Ну-ка, прекрати пляску! Раньше надо было думать!»

Волна ужаса покатила по Ионии. Пользуясь передышкой, возникшей из-за того, что неожиданно занемогший Мазарес отошёл в мрачное царство мёртвых, жители Фокеи погрузили на корабли пожитки и отплыли в поисках нового места обитания. Их примеру последовали теосцы. В результате продолжительных странствий фокейцы обосновались в Италии и на острове Корсика.

87

По дорогам Ионии тянулись потоки беженцев с повозками, нагруженными имуществом. Один старый человек спокойно брёл с узелком в руке. Многие узнавали его, мудреца из Приены по имени Биант, и удивлялись его столь малой ноше.

– Всё моё ношу с собою, – отвечал мудрец фразой, оставшейся в веках.

Omnia meum mecum porto – перевели её римляне на латынь.

Воины-защитники, не желавшие покидать города и попадать в рабство, мужественно сражались с врагами и гибли. Персидское войско, теперь уже под водительством Гарпага, окружало городские стены земляными насыпями и врывалось по ним внутрь, после чего на месте жизни оставались руины.

Один лишь Милет избежал такой участи.

Кир стоял под стенами громадного Вавилона. Возможно, он так никогда и не взял бы великий город, если бы не тайная пружина заговора, вследствие чего ворота изнутри оказались открыты. Персы ринулись через них, а вовсе не по руслу отведённой реки, как писал Геродот.

Вероятнее всего, в заговоре участвовали пленённые некогда иудеи и их потомки. Поэтому

Кир великодушно освободил их и разрешил вернуться на обетованную землю. Благодарные возвращенцы в свою очередь восторженно славили Кира, как мстителя за их страдания и как исполнителя воли Отца Небесного.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. В ДРУЖЕСКОМ КРУГУ

1

В дофалесово время человечество не выходило за пределы сказочно-мифологических представлений с волшебными превращениями вместо логики и реальных причинно-следственных отношений. В государствах Востока, накопивших огромные конкретно-прикладные знания, мироустройственная мысль лежала во сне, как личинка в коконе, не имея возможности вырасти в более сложный организм. Возможно, виной тому был деспотизм власти, характерный для Азии, и эзотеричность основополагающих истин, охраняемых жрецами как священная тайна. А ведь без свободного обсуждения новые идеи не произрастают.

VI век до новой эры считается временем, когда греки из предфилософии шагнули в философию, и первый шаг сделал Фалес. Уже в эпосе Гомера и поэмах Гесиода обнаруживается понимание условности мифов, что позволяет видеть в этих произведениях элементы предфилософии. Однако более существенное объяснение мироздания выработали орфики, создавшие учение, распространённое в довольно широких слоях общества.

Орфики верили в метемпсихоз (реинкарнацию), и отсюда как будто вытекает вывод об отражении идеологии рабов, тела которых страдают, но души свободны, бессмертны и способны к лучшим воплощениям.

За первооснову сущего орфики принимали воду, но только как первую ступень развития, шедшего далее по мифологическим этапам, включая возникновение сторуких чудовищ и тому подобное.

Фалес впервые начал рассматривать воду как первоэлемент природы, наверняка обобщив множество фактов и наблюдений: от капель дождя до величия моря, от сухости пустынь до всхода семян. Тем самым он генерировал физическую абстракцию, научное понятие и философскую категорию.

В математику Фалес ввёл идею доказательства, от которой мудрецы Востока были так далеки. Эта идея стала основополагающей для на-

уки в целом. Без неё науки, как и философии, не существует. На идее доказательства стоит мир, стоит знание.

О вкладе Фалеса в греческую астрономию известно немного.

Два ученика Фалеса достигли славы благодаря оригинальным идеям, имеющим исключительное значение для рывка познания. Анаксимандр (611–546 до н. э.) выдвинул мысль об апейроне – бесконечном первовеществе, о Земле в форме цилиндра, вычислил величину Солнца, Луны, их расстояние до Земли.

Анаксимен (585–525 до н. э.) тоже оперировал понятием бесконечности, а в качестве первовещества и причины жизни говорил о воздухе и его частицах.

2

Плутарх описал пир мудрецов, не имевший места в действительности, потому что пирующие жили в разные времена, а жившие в одно время могли и не быть в знакомстве друг с другом. И всё же символический «Пир семи мудрецов» несёт в себе дух и мысли века Фалеса и, кроме того, приоткрывает его внутренний мир. Другие, сочтённые Плутархом мудрецами, выглядят на пиру прозаичнее по сравнению с ним, в ком проступает и высокость речений, и житейские черты. Он главный герой и наиболее авторитетен из Плутарховой семёрки, включающей Солона, Питтака, Бианта, Клеобула, Анахарсиса и Периандра (которого Плутарх, как тирана, лишь подразумевал мудрецом, смущённо выдвигая вперёд баснописца Эзопа).

Фалес прост, демократичен, шутлив и не подвержен вере в разного рода чудесности. Его мысли всеобъемлющи и охватывают не только практические или политические, но и умозрительные, вневещественные идеи, что и даёт основание считать его истинным философом.

Фалес получил от Периандра, тирана Коринфа, приглашение на пир.

На народе Периандр появлялся в окружении двухсот телохранителей и отличался сверхчеловечески злобным нравом. Говорили, что на него дурно влияет милетский тиран Фрасибул. Встречались они редко, но постоянно переписывались и были в большой дружбе.

Коринфянам запрещалось собираться группами на площади, чтобы они не могли устраивать заговоры. Запрещались и общественные

праздники, частные пиршества, приобретение рабов и предметов роскоши аристократами, а также занятие беспорядочными половыми сношениями. С избытком в городе водились соглядатаи и доносчики.

Но при дворе тирана жили и благоденствовали поэты, в их числе и тот самый Арион, которого при кораблекрушении спас дельфин. Арион славил любовь и Коринф с его прекрасными зданиями. Он славил и предприимчивого тирана, добившегося процветания города за счёт перешейка Диолк, то есть взимая плату за волок через него кораблей. По жердям, уложенным в желоба, суда перевозили как по рельсам, на повозках. Денег в казну поступало так много, что Периандр отменил для коринфян налоги.

3

Мудрец сошёл с корабля в коринфской гавани Лехей, где за городом, неподалёку от храма Афродиты, стоял дом, приготовленный к приёму гостей. Узкая дорога вела к нему между строениями, как между длинных стен. По ней шли люди, тянулись повозки, и от этой толчеи в знойный воздух вздымалась пыль.

Несколько дней Фалес провёл у гостеприимца Диокла, гадателя по внутренностям животных (к этой профессии философ относился с мягкой иронией). Когда за каждым из приглашённых прибыли повозки, нарядно украшенные, с молодыми сытыми лошадаками, он улыбнулся и отпустил своего возницу восвояси. Ему не хотелось трястись в дорожной толкотне, когда можно прогуляться тропой через поля. Вместе с ним пошли Диокл и навкратиец Нилоксен, знакомец ещё по Египту (там же Нилоксен встречал и Солона). Дорога сочеталась с приятной беседой.

– Фараону очень понравилось, как ты измерил высоту пирамиды, – заметил Нилоксен. – И всё-таки тебя перед ним оклеветали, будто ты враг царям, и передали ему твои надменные изречения о тиранах. Будто на вопрос «Что самое удивительное?» ты ответил: «Тиран в старости». И будто однажды в беседе о животных ты сказал: «Из диких хуже всех тиран, а из домашних – лстец». А ведь царям, хоть они и очень притворяются, что не похожи на тиранов, слышать такое не по нраву.

– Нет, – возразил Фалес. – Эти слова Питтаковы. А я говорил, что мне удивительно было видеть корабельного кормчего в старости. Но я могу радоваться, как тот мальчишка, который бросил

камнем в собаку, а попал в мачеху и промолвил: «И то неплохо». Солон я считаю премудрым, потому что он отказался от тиранической власти. А Периандру его тирания досталась как наследственная болезнь, но до сих пор он неплохо с нею справлялся, пользуясь целебными беседами и общаясь с людьми здравомыслящими.

Когда они дошли до пиршественных покоев, от омовения Фалес отказался, будучи уже умахённым, а пошёл осматривать дорожку палестры и пышную рощу на берегу моря. Этим он хотел показать, что не презирает Периандра за его честлюбивую роскошь.

Слуги проводили гостей в мужскую половину дома. Навстречу им вышел побочный сын Фрасибула Алексидем, чем-то взволнованный и что-то сердито бормочущий. Завидев Фалеса, он немало опомнился и остановился.

– Как меня обидел Периандр! Он не позволил мне уехать, принудил остаться на пир, а когда я пришёл, отвёл мне такое непочётное ложе, что и эоляне, и островитяне – все оказались выше! Не иначе как он хочет опозорить и принизить в моём лице пославшего меня Фрасибула, оказав такое высокомерие!

– Что же? – нахмурился Фалес. – Ты боишься, что будешь ярким или тусклым оттого, на каком окажешься месте? Нужно смотреть не на то, вслед за кем ты лежишь, а на то, чтобы похорошему прийтись тем, с кем ты рядом. Ведь кто недоволен местом своим за столом, тот обижает не столько хозяина, сколько соседа, и врагами ему делаются оба.

– Всё это слова! – сверкнул глазами Алексидем. – А на деле-то и вы, философы, гоняетесь за почётом!

И он двинулся мимо пришедших, удивлённо к нему повернувшихся.

– Чудачлив он и придурковат, – разъяснил загадку Фалес. – Ещё мальчиком, когда принесли Фрасибулу отменное масло для натирания, он вылил его в большую охладительную чашу, смешал с чистым вином и выпил. И за это даже Фрасибул, ранее его любивший, невзлюбил сына.

Тут к Диоклу-гадателю подошёл слуга и передал от Периандра просьбу пойти и посмотреть то, что к нему сейчас принесли.

– Что это: знамение или чудо? Периандр сильно напуган, полагая, что это скверна, которая может омрачить празднество.

Слуга привёл троих гостей к хижине, стоявшей на краю сада. Ожидавший их юный пастушок откинул край шкуры и показал детёныша, родив-

шегоса от кобылицы. Это существо – кентаврёнок – пищало голосом человеческого младенца.

– Боги-защитники! – вскричал Нилоксен и от-вернулся.

Фалес внимательно посмотрел на юношу пастушка, улыбнулся и сказал, как всегда, подшучивая над искусством гадания:

– Как, Диокл? Не устроить ли тебе очищение и не обратиться ли к богам-отвратителям? Вдруг случилось что-то грозное и великое?

– Как не устроить! – взвился голос Диокла. – Это знамение разора и мятежа! Я боюсь, не грозит ли оно Периандрову супружеству и потомству! Фалес лишь рассмеялся и отошёл прочь.

У дверей дома гостей встречал Периандр.

– Каково вам показалось то, что вы видели? Фалес взял Периандра за руку:

– Что Диокл тебе скажет, то ты и делай себе спокойно. А я тебе только скажу, что надо или не приставлять к кобылицам таких молодых пастухов, или не оставлять их без женщин.

Периандр расхохотался, обнял Фалеса и поцеловал его.

– Впрочем, Диокл, я боюсь, что знамение твоё уже сбывается, – обернулся к гадателю Фалес. – Какое несчастье: Алексидем не хочет с нами ужинать! Где же он погнушался занять своё ложе?

Фалесу показали, и он тотчас возлёт там, расположив рядом Диокла и Нилоксена и прибавив:

– Да я бы и заплатить готов за то, чтобы разделить мой стол с Ардалом!

Ардал из Трезены был славный флейтщик и жрец из храма Ардалийских муз. Рядом на низеньком стульчике сидел близ Солона Эзоп.

Вошла Мелисса и возлегла рядом с мужем – Периандром. Диокл подумал о простоте угощений: приглашая мужей мудрых и добродетельных, хозяин пира не вводит себя в расходы. Обычно всё у Периандра подавалось так, как подобало его власти и богатству, а здесь он старался блеснуть простотой и умеренностью. Даже с жены снял её обычное убранство и показал гостям в скромном наряде.

Перед началом симпосия (беседы) переменяли столы. Мелисса оделила гостей венками, они совершили возлияния. Флейтистка сыграла мелодию и отошла в сторонку.

– А есть ли у скифов флейтистки? – обратился Ардал к Анахарсису.

– У нас и виноград не растёт, – был краток мудрый скиф.

Беседа потекла оживлённо. Всех интересовало что-либо о власти и правителях.

– Я так полагаю, что более всего стяжает славы царь или тиран тогда, когда он единовластие над гражданами обратит в народовластие, – высказался Солон.

– И когда он первый явит образец покорности законам, – было слово Бианта.

– Счастье правителя в том, чтобы умереть своей смертью в преклонном возрасте, – сказал Фалес.

– И не один среди всех будет разумен, – добавил Анахарсис.

– И не будет легковерен к речам близких, – заметил Клеобул.

– И добьётся, чтобы подданные боялись не его, а за него, – внёс в беседу мысль и Питтак.

– Дело правителя – помышлять не о смертном, а о бессмертном. – Голос принадлежал лесбосцу Хилону.

– Одно могу добавить, – нахмутив брови, с неудовольствием заключил Периандр, – всё, что сказано, едва ли не должно всякого человека разумного отвратить от власти!

К концу пира гости вспомнили об Арионе и спасении его дельфинами.

– Есть и ещё более чудесные рассказы, поражающие и пленяющие народ, – трезвомысляще высказался Питтак. – Но поверить им нелегко. Если бы люди понимали разницу между невозможным и необычным, тогда бы они не впадали ни в доверчивость, ни в недоверчивость, а соблюдали бы правило Хилона: ничего сверх меры.

После этого Анахарсис заговорил о том, что, по превосходному предположению Фалеса, душа присутствует во всех важнейших частях мироздания. И не приходится удивляться, что самые замечательные события совершаются по божьей воле. Тело есть орудие души, а душа – орудие бога...

Завершился пир возлиянием музам, Посейдону и Амфитрите, направивших дельфинов на спасение певца Ариона.

По мере возмужания сыновей Периандр ставил их правителями подвластных ему полисов. Николаю выпало плыть на остров Керкира, что севернее Коринфа. Через некоторое после того время керкиряне восстали. Тело убитого ими Николая они выдали отцу для совершения похоронного обряда.

Безмерное горе Периандра смешивалось с неистовым гневом. Но при этом он умел не предаваться безумию чувств, а полагался на голос рассудка. В его мыслях уже выстраивался план, как победить восставших, подсчитывалось число нужных триер и воинов.

Перед самым восходом солнца высадившись на остров, он разгромил жалкое ополчение керкирян. И теперь перед ним стояла новая задача: чем наказать их, чтобы сполна упиться местью? И Периандр придумал такое, от чего содрогнулись эллины. Были отобраны триста юношей из самых знатных семейств Керкиры и отправлены в Лидию, к царю Алиатту...

4

Восход звезды царя Кира Великого пришёл на годы, когда акме Фалеса давно миновало. И в то время он достиг большой известности и почёта среди греков. Молва о нём ходила и по Ионии, и по Пелопоннесу. Изумляясь его мудрости, рассказывали, что, предвидя небывалый урожай оливок, он скупил все какие мог маслодавили и неслыханно на этом разбогател. Но рассказы такого рода были досужим вымыслом.

Так как философ не обзавёлся семьёй, о нём передавали, что в его юности мать спросила: «Почему ты не женишься?» – «Мне ещё рано», – отвечал сын. Спустя годы на тот же вопрос ответ был: «Мне уже поздно». Мудрость подразумевалась здесь в том, что два взаимоисключающих ответа составляли неразделимое целое.

Фалес жил в Милете в окружении учеников. Часто ради бесед с ним из-за моря прибывали ищущие истину мужи. Самым знаменитым из них в последующие века был Пифагор. Лучшие ученики-милетяне Анаксимандр и Анаксимен впитывали каждое слово учителя.

Однажды он показал, как янтарь, натёртый комком шерсти, притягивает к себе лёгкие предметы: бусинки, булавки, монеты.

– Теперь давайте поразмыслим, – сказал Фалес. – Почему стало возможным, что одно тянет к другому, хотя только что то и другое было совершенно безразлично друг к другу?

Два десятка юных и достигших зрелости голов напряглись в усилении мысли. Первым нашёл что сказать бывший орфик Лисий.

– Трение шерстью заставило проснуться живущих в янтаре богов. Они рассердились и начали играть силой.

Лисий был родом с Керкиры. Воин, сражавшийся во многих битвах и потерявший руку, он,

признав воззрения Фалеса более истинными, чем орфические, примкнул к его ученикам.

– Шерсть сохраняет силу жизни от живого тела, – выразил своё мнение Анаксимандр, в то время уже довольно зрелый, седеющий муж. – Эта сила передаётся янтарю, и благодаря ей преодолевается тяжесть предметов...

Другие не могли ничего предположить и, мучимые любопытством, восклицали:

– А что скажешь ты сам, почтенный Фалес?

– Вокруг нас много непостижимого, – отвечал он. – Причина действия янтара неведома и мне, как и вам. Однако, как полагаю я, истина не обошла стороной Анаксимандра, сказавшего о силе жизни. Он сделал шаг к поиску. А чтобы найти мыслимое, надо пройти ещё много число шагов. Иногда, глядя кошку, мы видим летящие от неё искры и чувствуем покалывание в ладони. Не сила ли это жизни? А чем тогда считать молнии, бьющие при грозе?

– Это боги... – заметил кто-то.

– Не слишком ли скучная у богов работа – метать молнии и шуметь громом?

– Молнии убивают порой людей!

– Известно – это гнев Зевса!

– Грозы посылают нам не только гнев, но и воду, – спокойно вразумлял Фалес тех, кто слишком рьяно разделял ужас людей перед богами. – А вода, если вы, юные мудрецы, не забыли мои наставления, – это причина и состав всего сущего. И жизни тоже...

– Всё живое умирает, учитель! Зачем тогда нужна жизнь? Скажи нам! – вступил в хор беседы чей-то нетерпеливый голос.

– Действительно, нельзя забывать о смерти, хотя бы ты был на вершине веселья и счастья, – согласился Фалес. – Египтяне имеют удивительный обычай, чтобы не забывать... Однажды на пиру я увидел человеческий скелет, смотревший на людей пустыми глазницами и сверкавший зубами в оскале...

– Прости, мудрейший учитель, что я вторгаюсь в учёную беседу, но позволь и мне, ничтожнейшему из ничтожных, сказать своё слово, – обратился к Фалесу худой чернявый человек с горящими глазами, непохожий на других, атлетически статных.

– Тебе никто не ставит преград, Ликофор, – получил он сдобренный лёгкой улыбкой ответ. – Говори.

Ликофор был необычным учеником. Да и учеником только по названию. Первое время, когда пришёл, он пытался решать математические задачи, предлагаемые Фалесом, но не смог

решить ни одной. Больше того, ни задачи, ни вообще постижение науки его не интересовали. Он довольствовался частью проводить часть дня в дружеском кругу умных и благородных людей. Сын перса и гречанки, Ликофор поклонялся богу Ахура-Мазде и называл себя бехдином – праведником, отрёкшимся от насилия, даже если зло угрожало ему самому. Бывало такое, что шершни вонзали жала в его щёки, а он стойко терпел боль и ходил с волдырями. Ликофор верил в огонь своего бога и носил огонь в груди.

– Человек должен помнить о смерти как о продолжении жизни, хочу я сказать, – высказался он. – И для него должно быть главным, по-доброму или по-злему он прожил жизнь.

– Ты хочешь сказать, Ликофор, что в царстве Аида одним живётся весело, другим грустно? – усмехнулся Анаксимандр.

– Грустно?.. Не то слово, любезный Анаксимандр! – живо ухватился за вопрос Ликофор. – Злых в мире нездешнем мучения ждут невыносимые. Добрых же – наслаждение, превосходящее ожидания смертных.

– От самого человека зависит ли, быть ему злым или добрым? – вступил в разговор Анаксимен, человек тогда молодой. – Не боги ли определяют его судьбу?

– Бог зла Ахриман вселяет существа разрушения в душу каждого, – ответил Ликофор. – И там, внутри, идут жестокие битвы, невидимые для окружающих. Но человеку решать самому.

– Так, значит, по вере твоей, Ликофор, зло и добро противоборствуют в каждом из нас, ныне живущих? – уточнил Фалес. – И повсюду под солнцем они неразлучны? Ахриман и Мазда веч-но воюют друг с другом? И неясен исход?

– Я знаю, мудрейший Фалес, ты часто о вре-мени нам говоришь, что нет ничего древнее и старше его, – отвечал Ликофор. – Жрецы нашей веры, однако, уверены, что будет конец време-нам. И дело решится битвой всеобщей зла и до-бра. Добро победит. На последний суд пойдут мертвецы. Они протиснутся сквозь лаву расплавленного металла, в котором зло всё сгорит. И от грешников не останется даже дыма. Пра-ведники же вечными будут, не ведая тлена. Мир преобразится в конце времён. И чудо это помо-жет Мазде сотворить Спаситель – человек и бог совместно.

– Прекрасно, – заключил Фалес. – Наш мило-серднейший Ликофор предсказал всю славу грядущего конца времён, и об этом стоит подумать наряду со многим другим... Но давайте вернём-ся к тому существу, которое мы пытаемся понять

с его неуловимой стороны, как дом, види-мый с улицы и недоступный осмотру изнутри.

– Учитель, я хочу поговорить об апейроне – беспредельном, – откликнулся Анаксимандр.

Сидя кружком на уютной скале, нависшей над изумрудно блистающим морем, Фалес и его ученики ещё долго и увлечённо предавались радости владения знанием.

В последнее время Фалес часто совершал прогулки к берегу моря. Задумчиво смотрел он в морскую даль, словно спрашивая: «Где ты, дельфин Полиместор?»

Давно уже Фалес не пускался в дальние пла-вания, но пересекал морское пространство, что-бы испытать чашу животворного волнения на Олимпийских играх.

В очередной раз Фалес прибыл в Олимпию и смешался с толпой зрителей, прохаживаясь меж-ду многочисленными статуями олимпийников.

Начались состязания. Старец сидел на ска-мье в гуще ревущих, как водопад, эллинов. Он страстно жаждал славы милетян в беге и пан-кратионе. В воздухе неподвижно висела жара. Лучи солнца жгли темя.

И вдруг сидящие рядом увидели, как голова Фалеса запрокинулась, тело сползло со скамьи. И они не удивились улыбке философа, потому что в обыкновении у греков было умирать с улыбкой.

Время не сохранило нам точных дат, но при-близительно в год смерти Фалеса в соседнем с Милетом городе – Эфесе родился Гераклит, ко-торый, возмужав и ознакомившись со взглядами милетского мудреца благодаря его ученикам, противопоставил идее воды идею огня как пер-возлементу. Кроме того, Гераклит развил уче-ние о противоположностях, которое стали назы-вать диалектикой. Философия вместе с наукой всё больше и больше обретала мощь развития...

Город Милет не очень далеко от своих стен, в селении Дидимы, долго строил грандиозный храм в честь Аполлона, куда в праздники прихо-дили не только милетяне, но и толпами стека-лись окрестные жители.

Однако милетяне не желали терпеть влады-чества персов. Лет через тридцать по смерти Фалеса они подняли восстание (499 г. до н. э.). В решающей битве их ждало поражение. Город персы не пощадили... Но так началась эпоха Греко-персидских войн, когда, как мы знаем из учебников истории, греки мужественно выступи-ли и победили.